

УДК 159.9.07

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ АРХЕТИПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ КАК РЕГУЛЯТИВЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

М.Дж. Тагаев, Б.Т. Борчиева

Анализируются некоторые черты национальной ментальности киргизов и особенности их социального поведения, которые берут начало в древности и ныне представляются иррациональными.

Ключевые слова: архетип; культурно-языковое пространство; концепт; “коллективное бессознательное”; национальный характер; семантика; общинность; язык и культура; регулятив¹.

CULTURAL-LINGUAL ARCHETYPES OF NATIONAL MENTALITY AS REGULATORS OF A SOCIAL BEHAVIOR OF PERSONALITY

M.Dj. Tagaev, B.T. Borchieva

In this article some features of national mentality of Kyrgyz people and peculiarities of their social behavior which date back to ancient time are analyzed and are nowadays represented irrational.

Keywords: archetype; cultural-lingual space; concept; “unconscious collective”; national character; semantics; communality; language and culture; regulator.

*Ооруу калса да, адат калбайт.
Болезнь проходит, а привычка остается.*

Существуют некоторые черты национального характера этноса и социального поведения его представителей, понимание и объяснение которых не лежит на поверхности. Мы можем наблюдать и описывать факты, но без глубокого теоретического анализа трудно вскрыть внутренние пружины социального поведения людей, которое при взгляде с позиций другой культуры кажется иррациональным. В этой связи идеи А.А. Брудного о понимании и ценностях культуры и В.фон Гумбольдта о тесной связи языка, культуры и их влиянии на формирование национального характера этноса дают некоторые ориентиры для решения этих проблем.

В частности, это утверждение А.А. Брудного о том, что “нельзя с должной полнотой исследовать и понять систему, являясь ее составной частью” [1, с. 14]. Мы настолько вращаемся в национально-культурное пространство своего языка,

в его природную стихию, становимся частью этой системы, что оказываемся не в состоянии с позиций родного языка и культуры оценить и исследовать ее особенности, выявить в ней современное, актуальное и отжившие рудименты прошлого.

Очевидно, чтобы провести такое изучение необходимо, по словам В. Гумбольдта, занять новую позицию в прежнем видении мира [2, с. 80], т. е. несколько отдалить объект исследования, а это возможно, если рассмотреть собственный язык и культуру с позиций другого языка и культуры. В этом случае появляется возможность осмыслить, интерпретировать и понять их своеобразие во всей полноте.

Складываясь в течение многих веков и отражая прошлые состояния этноса, язык и культура консервативны благодаря наличию в них архетипов, которые выполняют интертекстуальную роль, связывая национальную семантику прошлого и настоящего. Архетип вначале рождается как культурный концепт в сознании человека и предназначается для вхождения и культурной адаптации личности к той реальности, в которой обитает этнос. С его помощью, с одной стороны, культура входит в ментальный мир человека, а с другой, – человек сам входит в культуру [3, с. 40]. С течением времени этот концепт становится архетипом.

¹ Регулятив понимается как содержащийся в ментальном пространстве языковой личности культурно-языковой концепт, способный определять социальное поведение человека.

Архетип – это своего рода аккумулятор наиболее ценного из духовно-культурного наследия этноса, средство передачи опыта предков. Они становятся частью коллективного сознания этноса, несводимого ни к индивидуальному сознанию, ни к сумме индивидуальных сознаний [3, с. 53]. Индивид не в силах противостоять действию этого коллективного бессознательного, поскольку это то, что скрепляет этнос, как нить, продетая через сознание каждого члена этнического сообщества.

Как коллективное бессознательное, архетип сохраняет значение и функции, продолжая существовать в сознании, видоизменяясь и проявляясь в образах, соответствующих окружающей действительности [4, с. 93]. Будучи средством передачи опыта предков, архетипы существуют во всех культурах, но при этом в каждой из них они имеют свои этнокультурные особенности. Национально-культурная специфика архетипа предопределяется экологической и историко-культурной средой, в которой жил данный этнос.

С течением времени меняется и уходит в прошлое среда, в которой они возникли, появляется другая действительность. Архетипы же продолжают существовать в народной памяти, уже в отрыве от той среды, в которой они зародились. Благодаря своей значимости для этноса, они имеют знаковую форму, поскольку “суть феноменов культуры состоит в том, что они имеют значение для людей; а то, что имеет для людей значение, постепенно превращается в знак” [5, с. 29]. Сохраняясь в лексике и фразеологии языка, в фольклоре и эпических произведениях, в народных прескрипциях архетипы создают культурно-языковое семантическое пространство, которое становится мощным фактором, предопределяющим особенности национальной ментальности и поведение личности.

Объектом анализа данной статьи явились два ключевых концепта в киргизском языковом сознании: архетипичный концепт “общинность” и концепт “совесть”, обуславливающие характер социального поведения и оказывающие мощное влияние на формирование ментальности киргизов, а через нее – на все общество в целом.

Концепт “общинность” как сгусток культуры сформировался эпоху феодально-общинного строя, в условиях которого в течение многих веков жил киргизский этнос. “Втягиваемое собственными феодалами в междоусобные войны, подвергавшееся нападением со стороны феодалов соседних стран, – писал С.М. Абрамзон, – киргизское население вынуждено было до 50–60-х гг. XIX в. объединяться и жить большими аилами – общинами, создаваемыми главным образом по родовому признаку” [6, с. 79]. При этом “в период кочевания

на сезонных пастбищах аилы уменьшались в размерах, – отмечает он, – а в период пребывания на зимних стойбищах кыштоо – увеличивались. Но и зимой такие аилы не представляли собой компактных селений. Это были небольшие группы жилищ, отделенных друг от друга иногда значительным расстоянием. Жители многих из этих аилов являлись ближайшими родственниками. В размещении этих аилов также соблюдался родственный и родовой принцип” [6, с. 80]. По свидетельству Ф.А. Фиельструп, такой способ организации общественных отношений у киргизов наблюдался вплоть до 20-х гг. XX в. [7].

Специфика кочевой цивилизации заключалась в том, она могла существовать как конгломерат отдельных феодальных общин, каждая из которых могла занимать определенную территорию и передвигаться по ней для выпаса скота. Члены общины, объединенные узами родства или клановости, осознавали, что выжить можно только в своей общине, которая всегда поддержит, а в трудной ситуации придет на помощь.

В такой историко-культурной среде не мог не быть востребован в общественном сознании такой концепт, как общинность. Следовательно, общинность как продукт той эпохи максимально соответствовал потребностям того времени и служил задачам единения относительно небольшой группы людей для защиты своих интересов. С течением времени архетипы начинают играть такую же роль, что и инстинкты. Объективируясь и рассыпая свою семантику в различных языковых формах народного творчества, они становятся врожденными психическими структурами “коллективного бессознательного” и передаются из поколения в поколение, продолжая оказывать влияние на поведение людей.

В этих условиях рождались многочисленные тексты-пословицы, которые отражали философию жизни того времени, внедряли в сознание культ общинности и родственных связей. Например:

Бөлүнгөндү бөрү жейт.

Тууган менен үч бөлүнсө да жат болбойт.

Тууганды баары жакшы, күндүн саары жакшы.

Тууганга душман болбо, душманга тууган болбо.

Туугандын өзү таарынса да, боору таарынбайт.

Отделившегося, отколовшегося съест волк.

Родственники, даже трижды разделившись, не становятся чужими.

Все родственники хороши, как хорош утренний рассвет.

Не становись родственнику врагом, а врагу родственником.

Если родственник даже обидится, но не обижается его печень, т. е. он не становится чужим.

Условия, в которых зародился этот архетипичный концепт, канули в лету. Став ныне оседлыми, киргизы давно уже не кочуют родами. Мир вокруг них изменился. Концепт “общинность”, связывавший семантическое пространство этноса с прошлой действительностью, разошелся с современным миром XXI в., приобрел асимметричный характер. Казалось бы, теперь в условиях новой реальности архетипичный концепт “общинность” должен был бы значительно сократить круг своего ментального влияния, распространяя его только на круг ближайших родственников и друзей, однако он продолжает существовать в сознании людей как коллективное бессознательное, значимое для всего этнического пространства.

Наблюдения и анализ фактов показывают, что у современных киргизов можно выделить, по крайней мере, три типа проявления общинности: родо-племенную, региональную и цеховую.

Истоки родо-племенной общинности берут начало в этнической истории киргизов, которая описана в санжыра (родословной), благодаря которой почти каждый представитель этноса может быть причислен к тому или иному роду. Народная молва всегда напомнит человеку о его происхождении и родо-племенной принадлежности. С развитием дискурса, связанного с поиском истоков национальной идентичности в прошлых состояниях этноса, актуальными стали утверждения *жетти атаңды билишиң керек* ‘ты должен знать семь своих отцов’, что обнажает традиционное разделение киргизского общества на роды и племена. Это сильный аргумент, задевающий честолюбие личности, поскольку “*жетти ата* <семь прямых предков> (по мужской линии; в старом быту каждый взрослый киргиз должен был знать семь своих предков, а если он их не знал, то его презрительно называли *кул* ‘раб’; взаимные браки разрешались только за пределами такого родства)” [8, с. 77].

Следующий тип общинности – региональный – возник на базе анализируемого архетипа “общинность” уже в советскую эпоху, когда появилась соответствующая почва – административное деление страны на области и районы, хотя зачатки регионального мышления были отмечены и ранее; они прослеживаются в языковых оппозициях *түндүк – түштүк* <север – юг>, *түштүк – аркалык* <южный – те, кто живет за хребтом, северный>. Региональная принадлежность заложена в семантике относительных прилагательных: *нарындык* – нарынский, *оштук* – ошский, *таластык* – таласский, *көлдүк* – иссыккульский и др.

Ограниченное и узкое понимание концепта “общинность” в киргизском языке делает возможным создание словосочетаний по модели “наименование региона + эл <народ>”: *аксынын эли* <народ Аксы>, *сузактын эли* <народ Сузака>, *таластын эли* <народ Таласа>. Трудно представить такое в языках, где слово народ является собирательным, имеет объединительную семантику. Так, в русском языке скорее употребят словосочетание *жители Москвы*, чем, допустим, **народ Москвы*, *московский народ* или *жители Тулы*, чем **народ Тулы*, *тульский народ*.

Цеховой тип общинности возник позже, и он менее развит. Нетрудно заметить, что в учреждениях или в организациях, где большинство составляют представители местной национальности, наблюдается общинное единение. Люди чаще, чем в других культурах, склонны приглашать коллег на различные мероприятия (дни рождения, свадьбы, поминальные мероприятия и др.).

О том, что архетип “общинность” принадлежит к сфере бессознательного, можно установить из рассуждений А.А. Брудного о радикальной психологии. Он считает понимание основным и специфичным для человека процессом, в состав которого включаются бессознательные архетипические компоненты. При этом человек рассматривается “как компонент и продукт исторического процесса, смысл которого носит надличностный характер, поэтому надиндивидуальное бытие всегда включает иррациональные элементы” [9].

Можно было бы считать общинность, в числе многих других, обычным качеством национального характера киргизов, если бы она распространялась только на ближний круг людей. Когда же в плену архетипа “общинность” оказывается значительная группа людей, связанных принадлежностью к одному роду, территории или коллективу, он в современных условиях обретает иррациональный характер, что имеет тяжелые последствия как для отдельной личности, так и для страны.

С позиций сегодняшнего дня, когда киргизы полностью стали оседлыми и менее зависимыми от родовых кланов, общинное мышление с точки зрения здоровой логики выглядит анахронизмом, а такое бытие иррациональным.

Живучесть архетипа “общинность” в сознании людей поддерживается таким положительным концептом, как *уят* – “стыд”, которым в значительной степени определяются внутренние мотивы поведения киргизов, особенности их национального характера. Важнейшим объективным показателем актуальности данного концепта для киргизского языкового сознания является его достаточно высокая номинативная плотность, т. е. множественное

вариативное обозначение сложных смысловых оттенков обозначаемого.

Полевое содержание этого концепта объективируется и находит тонкие различия в словах, образующих специфическую этнокультурную конфигурацию смыслов: *уят* – “стыд”, *абийыр* – “совесть, честь”, *ар* – “совесть, честь”, *намыс* – “честь, репутация, честное имя; чувство собственного достоинства”, *ыйбаа* – “стыд, стыдливость; скромность”, *ыйман* – “совесть, честь”. Значения этих слов, актуализирующие различные стороны семантики концепта, имеют прагматико-культурные отличия, касающиеся смысловых оттенков и сферы использования этих лексических единиц в различных типах дискурса.

Свойства концепта *уят* – “стыд”, отражающие нравственно-этические нормы киргизской ментальности, стали основой для выделения его в качестве важнейшей добродетели, регулирующей поведение личности в соответствии с национальным характером этноса.

Данная категория стала регулятивом и нормой своего общественного поведения, включившись в ряд философско-нравственных прескрипций, пословиц и поговорок. Об этом свидетельствуют такие пареомологические единицы: *Уят өлүмдөн катуу* (Стыд хуже смерти), *Ашыккан калар уятка, саргайган жетер муратка* (Торопыга осрамится, трудяга достигнет цели), *Уятсыз жигит – жүгөнү жок атка окшош* (Бесстыдный джигит словно конь без узды).

Слово *уят* и его производные принимают активное участие в процессе формирования лексикализованных конструкций со значением общественного осуждения (*уят сөз* – “неприличное слово”, *уят иш болду* – “случилось постыдное дело”, уяты чыкты – “он осрамился”, *сизге уят болдум* – “мне стыдно перед вами”, *уяты жок* – “бесстыдный” и др.).

Концепт *уят* – “стыд” в киргизском дискурсе становится оценочной категорией, выступая в качестве предиката безличного предложения. Киргизы обычно при исполнении каких-либо традиций или обычаев, выстраивании отношений с родственниками или друзьями часто используют данный концепт в качестве основы для принятия решения. Например, *Тойго барбай койсок – уят* (Если не пойдём на праздник – стыдно). *Конокторду жакшы тосуп албасак – уят иш эле болот ко* (Не встретим хорошо гостей – постыдное дело).

В языковом сознании киргизов концепт *уят* – “стыд” представлен как объемное, рельефное и колоритное чувство, передающее тонкие переливы смыслов от возвышенно-положительного до отрицательно окрашенного, в которых нет резких переходов между полюсами.

В сознании киргизов концепт *уят*, помещенный в контекст общности, в некоторых своих проявлениях претерпел гипертрофированное уродливое перерождение, обретая характер ложной ценности, не соответствующей реалиям современной жизни. В языке появилось вербальное обозначение данной стороны концепта, о которой говорил народный писатель Т. Касымбеков “*Элетте көр намыс деген болот...*” (Есть в глубинках понятие *слепой чести* ...).

К сожалению, не только в глубинках, но и в городах этот концепт утверждается в сознании некоторой части общества. Такая негативная сторона концепта *уят* закрепились за словосочетаниями *көр намыс* или *сокур намыс* (слепая честь). За “сокур намыс”, как пишет А. Суранова, кроется “пустое тщеславие, поддельная гордость и ложный стыд... правящий сознанием сотен тысяч людей, из-за которого тратятся немыслимые суммы денег на проведение однодневных гуляний, тешится самолюбие, вызывается зависть окружающих, рушатся семьи, берутся кредиты в банках, запускается регресс и усиливается деградация общества...” [10]. Недаром в народе говорится: *Сокур намыс баш жарат* (Слепая честь разбивает голову).

Архетип “община”, ранее “работавший” на сохранность и благополучие членов рода или клана, в сегодняшней действительности в условиях демократических свобод, когда у человека появляется возможность проявить свою индивидуальность, переродился и используется для того, чтобы превознести собственную значимость и выставить на показ свою состоятельность в глазах общины, продемонстрировать, что он ничем не хуже, а то и лучше многих других. Для членов общины проведение различных празднеств, известных под названиями *той* (пиршество) по случаю свадьбы, юбилея, дня рождения, обрезания и др., а также различных ритуальных мероприятий, таких как *аш* (поминки по случаю годовщины смерти), пышные похороны и др. становится смыслом жизни каждого члена общины. В основе принятия решений о необходимости провести такое мероприятие для общины лежит то, что Л. Витгенштейн называл “бессознательными мыслями” [11, с. 94–95]. Одна из них в следующей логике: “Все члены общины стараются провести мероприятие как можно пышнее; я не хуже их, поэтому тоже должен провести это и превзойти их”. И тут вступает в поддержку концепт *уят* (стыд), который становится ключевой частью аргумента “*өткөрбөсөк элге уят болобуз*” (если не проведем это мероприятие, то будет стыдно перед общиной). Как подмечает А. Суранова, “знаменитая и любимая киргизами фраза “Эл эмне дейт?” – “Что скажут люди?” – уже давно стала частью повседневного лексикона” [12].

Если же человек каким-то образом или по определенным обстоятельствам бывает не склонен подчиняться действию архетипа “община”, тут же начинаются пересуды “Ал эмне, орус болуп калганбы?!” (Что же это он, русским что ли стал?!) Чувство ложного стыда и противопоставление культур подпитывает витальность архетипа “община”, держит людей в плену этого “коллективно-бессознательного”.

Именно эта стереотипная фраза определяет ментальность и поведенческие реакции киргизов. Надо спустить все, что у тебя есть, влезть в долги, провести пышный праздник по тому или иному случаю и пригласить именитых людей (им ваше приглашение может быть в тягость) – и все это ради ложного чувства “что скажут люди”. Складывается ощущение, что люди живут в измерении “до праздников” и “после праздников”. Не раз приходится слышать тревожные сетования: “Эмне кылабыз?! Аш-той дагы келатат, жылы менен жыйган-тергенди кайра таратыш керек” (Что делать?! Вновь надвигается время тоев (праздников) и поминок, опять надо раздать то, что мы собирали по крупинкам в течение года).

Впрочем, традиция ходить с подарками на все “аш-той” из чувства “что скажут люди” становится актуальной частью концепта *уят*. Человек как субъект общины подчиняется и действуют согласно следующей схеме. Независимо от своего желания он, как член общины, вынужден безвольно плыть по течению и принимать участие во всех мероприятиях. Каждый человек, включенный в этот процесс хождения на эти мероприятия, уже не может остановиться, с одной стороны, из чувства “что скажут люди”, а с другой – ему тоже надо провести соответствующее мероприятие, хотя бы для того, чтобы собрать часть раздаренного и растроченного. Причем, чтобы не ударить в грязь лицом, надо провести мероприятие как можно пышнее, с размахом. Мотивом к таким действиям служит пословица *Өрдөк жесең – кас байла* (Если тебя угостили уткой, готовь гуся на угощение). Так из года в год “сокур намыс” водит эту нескончаемую карусель, обрекая людей на малополезные траты и обнищание. В этот процесс включаются мигранты, которым приходится работать не покладая рук, чтобы в одночасье спустить нажитое с таким трудом. Чтобы избежать лишних трат, некоторые из них предпочитают проводить свои празднества в России [13]. Огромные суммы расходуются и на проведение погребальных обрядов [14]. В целом, по различным оценкам, затраты на проведение различных празднеств и торжеств составляют около 2 млрд долларов.

В настоящее время архетип “общинность”, определяющий мотивы поведения людей, поро-

дил в киргизском обществе огромную социальную проблему, стала тормозом на пути благополучия как отдельной семьи, так и всей страны. Для сильных мира всего она только на руку, поскольку устройство различных празднеств становится удобным способом сбора дани с членов общины (рода, коллектива, землячества), а во время каких-либо выборных компаний средством давления и манипуляции голосами избирателей. Нередки случаи, когда чиновник, лишаясь должности или привилегий, обращается к своему роду, землякам с просьбой защитить его. При этом никто из общины не задумывается над тем, прав или виноват этот человек; важно то, что он “биздин кулунубуз” (наш жеребенок). Так, совершаются неправомерные действия: перекрываются дороги, устраиваются митинги и др.

Прогрессирование архетипичного коллективного бессознательного “общинность” в поведении людей приняло такие масштабы, что подтолкнуло развитие одного из направлений бизнеса: по всей стране стали строиться и функционировать многочисленные кафе и рестораны, специально предназначенные для проведения различных торжеств. Некоторые из них вмещают от 500 до 1000 человек. На проведение торжеств тратиться от 5 до 30–40 тыс. долларов, а на поминки режут десятки лошадей и баранов. Это своего рода доменные печи, в которых днем и ночью сжигается и вылетает в трубу народное достояние. Очереди на проведение празднеств расписаны на несколько месяцев вперед.

Общинное мышление толкает простых людей на совершение иррациональных поступков, которые оборачиваются бедами для многих. Они закладывают дома, квартиры, берут непосильные кредиты, чтобы провести какое-либо празднество. Удивительно в поступках людей то, что они могут поскупились и не купить своему ребенку обнову или нужный учебник, но при этом могут сходить с богатым подарком к кому-либо на очередное торжество, чтобы не ударить в грязь лицом перед членами общины.

Нельзя сказать, что данная проблема не вызвали отклика общественности. На страницах республиканской печати развернулась большая дискуссия на данную тему, инициированная академиком Б.М. Мурзубраимовым. Материалы общественного обсуждения (статьи в газетах, материалы Круглых столов, интервью и др.), в которых ученые и общественные деятели выражают свою обеспокоенность этим явлением, собраны и опубликованы отдельной книгой под названием “Пока мы не избавимся от расточительства и мотовства, наша жизнь не улучшится” [15]. В выступлениях

приводится множество фактов бездумной траты средств, но корень зла многим видится в обыкновенной расточительности людей, и не вскрываются внутренние пружины их иррационального поведения.

Выводы. Архетип “общинность”, зародившийся в глубине веков как способ выживания киргизского этноса и ныне утвердившийся в сознании людей как “коллективное бессознательное”, является основной причиной иррационального поведения людей. Витальность этого архетипа поддерживается концептом “стыд” в его ложной интерпретации, когда человек оказывается в плену понятий слепой чести, обыкновенного тщеславия и боязни оказаться вне своей общины.

В этой связи чувство общинности представляет собой едва ли не одну из самых главных преград на пути консолидации граждан Кыргызстана в единую нацию. Этот концепт из сферы бессознательного создает основу для круговой поруки, порождает коррупцию и сеет несправедливость, мотивирует людей на совершение иррациональных поступков. Борьба с этим явлением очень сложно, поскольку речь идет не о поступке отдельной личности, а о негативной части коллективного разума, против которого трудно противостоять человеку.

Часто можно слышать, что общинность – это глубоко национальная черта, идентифицирующая киргизов. В этой связи надо пересмотреть под другим углом зрения понятия национального, самобытного и суверенного. Вот что говорит об этом Ч. Айтматов, великий писатель и провидец: “Но почти всегда, когда речь идет о национальном, мы почему-то больше оглядываемся в прошлое. Нет, национальное своеобразие – это не только совокупность национальных черт, идущих из глубин веков. В понятие национального входит не только устоявшееся, проверенное временем, но и новое, рожденное современной действительностью” [16, с. 112].

Диалектика становления и утверждения национального состоит в том, что некоторые его ценности становятся архаичными в нынешнюю эпоху и потому не столь актуальны, как прежде, а то и становятся тормозом в развитии этноса. Нужна коренная ломка психологии общественного сознания.

Литература

1. Брудный А.А. Проблема понимания: онтология и методология. Тезисы о понимании / А.А. Брудный, Д.Т. Садыкова. // Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования / под общ. ред. А.А. Брудного, А.В. Уткина, Е.И. Яцуты. М.: Смысл, 2006.
2. Гумбольдт В. Избранные работы по языкознанию / В. Гумбольдт. М.: Прогресс, 1984.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997.
4. Леонтьев А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности / А.А. Леонтьев // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001.
5. Брудный А.А. Наука понимать / А.А. Брудный. Бишкек, 1966.
6. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / авт. вступ. ст. С.Т. Табышалиев / С.М. Абрамзон. Фрунзе: Кыргызстан, 1990.
7. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX в. / Ф.А. Фиельструп. М.: Наука, 2002.
8. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь: в 2 кн. Около 40000 слов / сост. К.К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985.
9. Брудный А.А. Радикальная психология / А.А. Брудный. URL: <http://vocabulary.ru/termin/radikalnaja-psihologija.html>
10. Суранова А. Кыргызчылык. Ч. II. Сокур намыс / А. Суранова. URL: http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_blogs_suranova/24953527.html
11. Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к “Философским исследованиям” / Л. Витгенштейн. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008.
12. Суранова А. Кыргызчылык. Ч. 1. Паразитизм / А. Суранова. URL: http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_blogs_suranova/24900934.html
13. Иващенко Е. Без тщеславия и шика. Кыргызстанцам выгоднее проводить свадьбы в России / Е. Иващенко. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1485984480>
14. Жумагулов С. Погребальный обряд в Кыргызстане: горе живым / С.Жумагулов. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1485984840>
15. Мурзубраимов Б. Ысырапкоччулуктан арылмайынча жашообуз оңолбойт / Б. Мурзубраимов. Бишкек, 2010. 140 б.
16. Айтматов Ч.Т. Чудо родной речи / Ч.Т. Айтматов // Статьи, выступления, диалоги, интервью. М.: АПН, 1988.